

Тайваньский кризис КНР в контексте иранской повестки США

Комментарий Центра АРВАК, 28.06.2026

АРВАК анализирует сложную взаимосвязь между эскалацией вокруг Тайваня и иранской ядерной повесткой в контексте американо-китайских отношений. Рассматриваются механизмы «зеркальной сделки» между Вашингтоном и Пекином, анализируется стратегия «стратегического терпения» КНР и оцениваются риски перехода к открытому военному конфликту в условиях системного кризиса глобальной военной стратегии сверхдержав.

Ключевые слова: КНР, США, Тайвань, Иран, Восточно-Китайское море, геополитика, Си Цзиньпин, Дональд Трамп.

Текущая ситуация

В начале июня Пекин объявил о старте специальной морской операции в водах к востоку от Тайваня. Согласно сообщению агентства «Синьхуа», помимо ВМФ Народно-освободительной армии Китая (НОАК) к операции были привлечены Морские бюро провинций Фуцзянь и Гуандун, Центр безопасности судоходства и Спасательное бюро Восточно-Китайского моря. В общей сложности в район спецоперации было стянуто около 80 судов, включая фрегаты и эсминцы ВМФ НОАК, а также были задействованы эскадрильи палубной авиации.

В Пекине заявили, что масштабное мероприятия направлено на усиление контроля за судоходством, а также на расширение возможностей патрулирования и обеспечения безопасности в регионе. По сути же, речь идет об ужесточении блокады самопровозглашенного островного государства, которое Пекин считает неделимой частью КНР.

Субъекты и процессы

Поводом для спецоперации и нового витка напряжения в Восточно-Китайском море стали договоренности, достигнутые между Японией и Филиппинами по итогам состоявшегося в конце мая 2026 г. визита филиппинского президента Фердинанда Маркоса-младшего в Токио. По сообщению китайского издания *Global Times*, стороны, в частности, приняли решение о запуске переговорного процесса по делимитации исключительной экономической зоны и континентального шельфа в морском районе к востоку от Тайваня. МИД КНР осудил эту инициативу, подчеркнув, что попытка Токио и Манилы решить вопрос в одностороннем порядке и без согласования с Пекином противоречит международному праву и «серьезно нарушает» Конвенцию ООН по морскому праву. Поскольку КНР считает Тайвань своей неделимой частью, делимитация морской зоны и шельфа к востоку от острова без участия Пекина воспринимается им как покушение на китайский суверенитет. Исходя из этого, власти КНР приняли решение защитить свои права и интересы в спорной акватории.

Причины и цели

Эксперты видят прямую взаимосвязь между последними событиями вокруг Тайваня и майским визитом президента США Дональда Трампа в Пекин. Если исходить из этой

версии, японско-филиппинские договоренности стали лишь поводом для заранее спланированной военной активизации Пекина в Восточно-Китайском море и ужесточения блокады Тайбэя, решение о которых было принято по итогам переговоров китайского и американского лидеров. Можно предположить, что в ходе встречи с Д. Трампом в Пекине Си Цзиньпин увязал «иранские предложения», с которыми американский лидер прибыл в КНР, с тайваньским вопросом. Дональду Трампу было необходимо китайское давление на Иран с целью принуждения Тегерана к заключению мирной сделки с Вашингтоном на компромиссных условиях. Кроме того, Трамп рассчитывал, что в случае срыва мирной сделки из-за неговорчивости Тегерана Пекин признает за США право на продолжение антииранской военной кампании и откажется оказывать какую-либо военную поддержку ИРИ. Учитывая принципиальную значимость для США позиции КНР по «иранской повестке», Пекин вполне ожидаемо выдвинул встречные требования по тайваньскому кризису, потребовав от Вашингтона симметричных уступок по этому вопросу.

Судя по дальнейшим событиям, президент США согласился с доводами Пекина. Сразу после переговоров с Си Цзиньпином Д. Трамп сообщил СМИ, что текущий контракт на сумму \$14 млрд на поставки Тайбэю оружия (в основном – противокорабельных ракет и самолетов) им заморожен. Спустя несколько дней, 21.05.2026, решение президента о заморозке поставок подтвердил Пентагон, попытавшись при этом оправдать его нехваткой боеприпасов для нужд американской армии на иранском театре боевых действий. На решение Д. Трампа не повлияло даже то обстоятельство, что контракт на продажу оружия Тайваню был подписан и осуществлялся в рамках американского Закона об отношениях с Тайванем (*Taiwan Relations Act*). Белый дом отверг призывы Тайбэя пересмотреть решение, аргументировав это тем, что в настоящий момент новые партии оружия не укрепят безопасность острова, но при этом резко повысят градус напряжения вокруг Тайваня, в Юго-Восточной Азии и в Тихом океане.

Еще одним косвенным подтверждением американо-китайского компромисса и «зеркальной сделки» по Ирану и Тайваню стало признание американского президента, сделанное 25.06.2026 в ходе брифинга в Белом доме, о «*большом вкладе*» Си Цзиньпина в американскую мирную инициативу по Ирану и об отказе Пекина вооружать Тегеран. Аналогичное заявление Трамп сделал 17.06.2026 в рамках саммита G-7 во Франции, назвав «*фантастической*» роль китайского лидера в привлечении Тегерана за переговорный стол и похвалив его за прекращение военных поставок Ирану.

Внутренняя логика повесток

Взаимосвязь событий вокруг Ирана и Тайваня становится очевидной. Вашингтон и Пекин выработали условия, при которых новая эскалация вокруг Ирана послужит для КНР легитимным поводом начать войну в Восточно-Китайском море. В то же время поставки американского оружия Тайбэю неизбежно повлекут за собой зеркальные меры Пекина по вооружению Ирана.

Таким образом, майские договоренности предполагают, что Вашингтон ограничил свои возможности прямого вмешательства в китайско-тайваньский конфликт и на данный момент может удержать Пекин от эскалации только посредством достижения

мирной сделки с Ираном. Мир с Ираном становится для Вашингтона необходимостью не только в контексте его стратегических интересов собственно на Ближнем Востоке и стабилизации внутривосточной обстановки в США в преддверии осенних промежуточных выборов, но и с точки зрения сохранения баланса безопасности в Юго-Восточной Азии и в Тихом океане. Именно поэтому администрация Д. Трампа стала действовать в нехарактерной для себя манере жесткого давления на Израиль, отказываясь вовлекаться в провокационные действия Тель-Авива, направленные на новую иранскую эскалацию. Неслучайно старт операции НОАК в Восточно-Китайском море с точностью совпал по времени с активизацией ожесточенных действий израильского ЦАХАЛ в Ливане, что заставило президента и вице-президента США обрушиться с серией жестких обвинений в адрес кабинета Биньямина Нетаньяху. Посыл заявлений Трампа и его команды сводился к тому, что США не могут пожертвовать безопасностью в Тихоокеанском регионе во имя максималистских планов Израиля в отношении будущего ИРИ. В Вашингтоне понимают, что Пекин занял крайне выгодные для себя позиции по решению тайваньского кризиса — как силой, так и угрозой ее применения, — а значит, ему нельзя давать повода для радикальных действий.

Анализ ситуации в мире, сложившейся по итогам второй иранской кампании, подсказывает, что КНР действительно укрепила свои военно-политические позиции в отношении тайваньской повестки. Однако главный вопрос заключается в том, рискнет ли КНР прибегнуть к открытым силовым действиям против самопровозглашенного островного государства в случае, если США вновь нарушат статус-кво вокруг Ирана и тем самым легитимируют тайваньскую войну.

Динамика и описание трендов

Теоретически НОАК обладает абсолютным превосходством над тайваньской армией. Численность Вооруженных сил Китая, мощь их военно-морского флота и авиации, а также географически благоприятное для Пекина расположение гипотетической арены боевых действий позволяют сделать вывод, что НОАК обладает ключевыми преимуществами перед ВС Тайбэя. По мнению подавляющего большинства военных экспертов, даже с учетом наличия у тайваньских ВС высокотехнологичных систем вооружения и качественной подготовки личного состава, у островного государства мало шансов на организацию эффективной обороны в долгосрочной перспективе. Реализация количественного и качественного превосходства ударного потенциала НОАК позволит Пекину (пусть и ценой больших потерь) взломать тайваньскую оборону. По оценке аналитиков, стратегия «Дикобраза» с применением мобильного, относительно недорогого, но эффективного вооружения (противокорабельных ракет *Harpoon*, мобильных систем противовоздушной обороны, роев беспилотников и морских дронов) разработана Тайбэем с расчетом на ограниченное по времени сдерживание — ровно до тех пор, пока основные союзники успеют организовать и оказать острову военную помощь. В случае отказа в такой поддержке либо ее ограниченного, символического предоставления разгром тайваньской обороны теоретически неизбежен.

Однако в самом Китае, по-видимому, относятся с большой осторожностью к подобному теоретическому раскладу и оптимистичным прогнозам.

На это у Пекина есть три основные причины.

1. Со времен китайско-вьетнамской войны (1979 г.) у КНР не было опыта ведения масштабных военных кампаний. У НОАК отсутствуют апробированные в реальных боевых условиях стратегии и тактики, а также опыт применения систем новейшего вооружения.

2. Этнический состав населения Тайваня предполагает особое идеологическое отношение НОАК к конфликту, со всеми вытекающими из этого принципами и методами действий против острова и его жителей. Пекин рассматривает конфликт с островным государством как внутрикитайскую проблему, подлежащую разрешению в рамках национальной солидаризации и консенсуса, тогда как сама вероятность войны вступает в противоречие с этой концепцией. Дилемма отношения материкового Китая к тайваньцам как к «*оступившимся братьям*» или «*врагам*» до настоящего времени не получила четкого осмысления и, соответственно, выбор так и не был сделан. Это значительно ослабляет мотивацию Пекина и в перспективе таит угрозу кризиса национальной идентичности и подрыва идеологических основ государственного строя КНР.

3. Пекин не может не учитывать негативный опыт РФ и США в контексте развязанных ими войн против Украины и Ирана соответственно. В обоих случаях теоретическое превосходство этих двух сверхдержав изначально рассматривалось экспертами как залог их неоспоримого успеха. Однако ход событий показал, что ни российская, ни американская армии не сумели в полной мере справиться с поставленными перед собой задачами — прежде всего, по подавлению огневой мощи и боевого потенциала относительно слабого противника в предельно короткие сроки. В результате Россия увязла в украинской войне на годы, растратив в ней собственную военную мощь, человеческие ресурсы и экономический потенциал, а США, опасаясь аналогичной перспективы, приняли решение купировать угрозу дальнейшей эскалации. Теоретически две сильнейшие армии мира столкнулись с качественно новыми проявлениями асимметричной войны, природа которой еще не изучена ими в достаточной степени. Речь идет не об индивидуальных просчетах, а, скорее, о системном кризисе в сфере военной философии и стратегии, наглядно демонстрирующем, что эпоха эффективности больших армий, поглощающих колоссальные финансовые, технологические и экономические ресурсы государства, близится к закату. Этот феномен уже стал объектом исследования политических и военных аналитиков и, очевидно, накладывает серьезный отпечаток на мышление и стратегическое планирование военно-политической элиты КНР.

Заключение: угрозы и возможности

Китай традиционно считается олицетворением «*стратегического терпения*» в глобальной мировой политике. По всей видимости, негативный опыт его главных геополитических конкурентов станет еще одним веским доводом в пользу поддержки и сохранения этого императива, предполагающего глубокий расчет шагов и действий. Применительно к тайваньскому вопросу эта концепция «*стратегического терпения*» тем более актуальна, поскольку война за присоединение острова может как выдвинуть КНР на позицию мирового гегемона (с учетом нынешнего ослабления США и РФ), так и стать началом конца беспрецедентного взлета Китая в новейшей истории. На первый

взгляд, в настоящий момент для Пекина сложились благоприятные условия для попытки силового решения тайваньской проблемы, однако, с другой стороны, такой шаг может таить в себе крайне опасные последствия для страны. В Китае это четко осознают и поэтому колеблются, балансируя на грани относительного мира и тотальной войны в Индо-Тихоокеанском регионе.